
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА
НА ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ**

Публичная лекция Николая Николаевича ПЕТРО, профессора Университета Род Айленда (США) в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина
12 октября 2010 г.

(расшифровка – Д.А. Шпота, редактирование – А.В. Коврига)

Может быть, это звучит банально, но стоит подчеркнуть, что *безопасность на евразийском континенте жизненно важная необходимость для всего человечества.*

Евразия является источником энерго ресурсов глобального значения, через нее проходят основные энерго-магистралы и здесь же зарождаются и переплетаются протесты различных этнических групп, порой недовольных процессами глобализации и модернизации. В связи с этим многие эксперты определяют Евразию как «поле битвы» на котором столкнутся религия, глобализация, национализм и модернизация.

Планетарный масштаб этих процессов заставляют Китай играть всё более заметную роль в центральной Азии, так же являются движущей силой европейской интеграции, цель которой приобретение Европой дополнительного веса на мировой арене и так же подталкивает США на вмешательство в региональные конфликты.

Однако, фокусируя внимание на размерах Евразии серьезность вызовов которые стоят перед ней аналитики зачастую выпускают из поля зрения самих людей проживающих на данной территории, многие западные исследователи утверждают, что существующие границы культуры и в традиционном понимании котором они находятся, будут сметены безжалостными силами модернизации и демократизации.

В начале 90-х гг. известный политолог Ф.Фукуяма распространил идею о том, что именно распад СССР устранил препятствия для развёртывания этих процессов. Однако с распадом СССР в центре Евразии образовался вакуум, который породил массу проблем, не только для ново-созданной России, но и для каждого государства на этой обширной территории. Если мы не заполним этот вакуум новыми концептами безопасности, то многие предрекают, что XXI век окажется не менее кровавым, чем XX-й. Увы, на сегодняшний день каждая из ведущих держав на Евразийском континенте имеет собственный взгляд на проблемы, как и чем надо заполнить существующий вакуум.

Начнем с Китая, переходя потом с Евросоюза, США и закончим Россией.

Китай разработал программу на долгосрочную перспективу предлагая постепенное вовлечение все большего числа стран в так названную великую китайскую сферу взаимного процветания. В юго-восточной Азии китайские политические элиты уже сейчас в значительной мере формируют политику отдельных государств в сущности обеспечивая Китаю вето на нежелательные политические инициативы своих соседей. Однако, Китайская политика приносит желательный результат, только если эта политика применяется к народам которые готовы подчиняться, потому что сами вышли из лона китайской цивилизации или по другим причинам являются зависимыми от Пекина. Такой подход к другим цивилизациям

перерастает в столкновения, что привело известного американского политолога Сэмьюэла Хантингтона к известному заключению о неизбежности столкновения цивилизаций.

Главный недостаток китайского варианта решения проблемы Евразийской безопасности заключается в том, что не основывается на равноправном сотрудничестве. Раложенный в ней принцип неравенства затрудняет борьбу с причинами нестабильности в Евразии которые включают в себя претензии на культурную и религиозную самобытность.

Европейский путь решения проблем безопасности блестяще показал свою эффективность северо-западной части евразийского архипелага, претендует на универсальность он, по сути, представляет собой уникальный исторический опыт индустриализации и колонизации через агрессивное распространение принципов меркантилизма.

После распада Британской империи эта модель осталось дееспособной благодаря подъему СССР, что в свою очередь заставило США перенять от Великобритании роль главного популяризатора ценностей консюмеризма и западной культуры в мире. В конечном итоге так называемая политика «сдерживания» дала западной Европе образ «врага», который стал главным катализатором интеграционных процессов. Однако успех западной Европы в деле создания для самого себя общецивилизационного фундамента отделили ее все дальше от своих соседей, осложнив тем самым интеграцию Европы в Евразию. Выйти за пределы Босфора уже непреодолимая трудность для европейцев. И они не готовы даже думать о том, как обезопасить территорию от Ванкувера до Владивостока или от Мумбаи до Мурманска. Европейская идея подходит для тех, кто уже воплощает ее в жизнь, но поскольку ее невозможно распространять она неспособна противостоять растущим угрозам, с которыми сталкивается Европа. Она полезна в том смысле, что представляет собой пример институциональной интеграции в деле преломления многовековой вражды и создания условий для стабильного развития и процветания культурно-однородных стран.

Американский же ответ на вопрос о безопасности, наверное самый простой: краткосрочная задача вытеснения России с политической арены. При этом обеспечение бесперебойных поставок энергоносителей выходит на первое место, а региональная безопасность отодвигается на второй план. В перспективе такая политика должна способствовать укоренению политических институтов и идей, отражающих американский подход к вопросам развития экономики и политики. И Американские нео-консерваторы решили, что вакуум образовавшийся в процессе распада СССР можно и нужно использовать для рокировки сил в регионе. Именно эта идея легла в основу неприкрытого вмешательства США во внутренние дела стран СНГ при том, что лишь немногие сегодня в Вашингтоне удовлетворены результатами такого вмешательства.

Американская политика зиждется на пока несомненной популярности американских коммерческих и культурных брендов, доминирующих в мировой торговле, индустрии развлечений и политике. Благодаря этому главенству, частное предпринимательство, индивидуализм и вовлеченность в мировую торговлю стали рассматриваться как ключевые факторы формирования национальной конкурентоспособности. Как любят повторять наши нео-консерваторы, – *распространение этих идей по всему миру – это реальная база для мирового правления.* Они, однако, неохотно признают, что *этот процесс породил социальную напряженность, которую уже ни кто не в состоянии держать под контролем.*

Российский вариант решения проблем безопасности в Евразии сегодня выглядит наиболее поверхностным, он основывается на следующем силлогизме:

1. Выживание России невозможно без модернизации;
2. Российская внешняя политика призвана создать подобающие условия для модернизации страны;
3. Выполнение этой задачи невозможно без мира, стабильности и процветания.

Ну, с этими пунктами невозможно не согласиться, проблема лишь в том, что нет единой стратегии, которая бы связывала их воедино. Москва действует во всех направлениях

сразу, надеясь изменить *тональность отношения в регионе*. Единственной выигрышной стороной является лишь то, что они действительно исходят от России – единственного незаменимого игрока Евразии. При этом современная Россия унаследовала от своих предшественников главное преимущество, которым не обладают другие конкурирующие державы – *она делит одну культурную историческую среду со своими соседями на Европейском континенте*.

Пока что попытки Москвы, оказывающие влияние на происходящие процессы, выглядят неловкими и часто вызывают противодействие. Тем не менее, действуя мягкими методами которые не требуют уступок, Россия могла бы гарантировать себе желаемый результат. Такие методы, например, применяются США в отношении Канады, Мексики и целого ряда Европейских союзников.

Подводя итоги вышесказанному, мы видим, что ни одна из ведущих держав, пока не сумела предложить оптимальную политику для решения проблем безопасности и процветания. Тем не менее, я считаю, что описанные концепции включают в себя сходные элементы, которые могли бы сочетаться и согласовываться и привести, в конечном счете, к более созидательному подходу. На мой взгляд, оптимальная стратегия для безопасности и сотрудничества должна основываться на следующих трех принципах:

1. Уверенная, но гибкая дипломатия, которая **не отрицает значимость национальных традиций и культур в борьбе за всеобщие права**. Такая дипломатия, должна делать ставку не на ценностной разрыв между государствами, а на поиск ценностного консенсуса.

2. Использование примеров **успешного институционального культурного взаимодействия**. Особенно такие примеры, которые бы ослабили религиозную и этническую вражду.

3. **Интеграции стран в региональную экономику, реальный сектор** которой, прямо связан с благополучием граждан – в предпочтении скороспешной интеграции в глобальную экономику без создания предпосылок успешной конкуренции в ней.

Ключевым требованием такой стратегии является понимание того, что **решить эти сложнейшие задачи невозможно в рамках существующих международных институтов и поэтому они должны быть заменены**. Короче говоря, нужно создать дипломатию, которая бы руководствовалась долгосрочными целями, а не только сиюминутной выгодой. **В вопросах безопасности надо уйти от поисков безопасности наций и перейти к принципу «всеобщей уязвимости», преодоление которого будет невозможно без создания институтов доверия**.

Достижение этой цели требует определения подлинной от мнимой безопасности. Недопустимо, например, низводить проблемы безопасности до уровня национальной безопасности, поскольку мы знаем, и это доказано разными научными исследованиями, что общество это нечто большее, чем сумма его отдельных частей. *Уникальность вызовов 21 века лежит в одновременном появлении суб-национальных и мета-национальных трендов*.

В последние годы, самой серьезной угрозой для наций является, на мой взгляд, **посягательство не на их суверенитет, а на культурность**, при чем не только на национальном уровне, но и на суб-национальном и мета-национальном уровнях, где на сегодня возникают угрозы для безопасности с которыми **система национальных государств** просто не в состоянии справиться. Возможно, решением является создание **взаимно проникающих идентичностей**, которые **не будут** совпадать с границами национальных государств. Такие идентичности могут быть: культурными, родовыми, религиозными, лингвистическими, даже мета-политическими – как в случае с Евросоюзом. Мне кажется, что формирование культурной безопасности в Евразии, а именно она является пред основой для настоящего сотрудничества, должна произойти в три этапа:

1. На первом этапе нужно создавать политический миф, который бы резонировал бы с существующими политическим порядком и национальными культурами;

2. На втором этапе, популяризировать этот миф с тем, чтобы появляющиеся со временем политические идентичности смогли бы преодолевать вакуум, образовавшийся вследствие разрушения старых идентичностей. И на конец, необходимо способствовать тому, чтобы появившаяся политическая идентичность укоренилась институционально. В результате уже должна появиться *более широкая и всеобъемлющая Евразийская идентичность*, как прослойка национальной идентичности и не противопоставляющая себя ей.

Достижение безопасности и процветания на столь обширной территории в конечном итоге требует от нас создания *Евразийского пространства*, на котором общества и культуры нельзя будет ограничить рамками существующих систем государств или мировых рынков. Вместо существующего порядка, в котором страны действуют врознь, должен возникнуть *межкультурный режим, нацеленный на культурный диалог*. Такой режим, предполагает наличие структур нацеленных на культурный диалог, такой режим предполагает наличие структур адаптируемых под конкретные условия культурного общения и обмена. Только они будут способны вывести в безопасность от необходимости получения сиюминутной выгоды – через усилия по формированию *чувства коллективной ответственности за судьбы человечества в долгосрочной перспективе*. В центре этих процессов, или точнее в «VIP прицеле», Россия «запредельное государство». Возможно ей (России – прим. редактора) конечно бы было намного проще, если бы, она находилась в стороне, но ее судьба предопределена географическим положением в самом центре Евразии. Для расцвета этого обширного пространства, бывшие союзные государства, в первую очередь это Россия, Украина, Беларусь и, наверное, Казахстан **должны предложить общее видение проблем стоящих у истоков Европейской безопасности и двигаться в направлении создании ценностного консенсуса.**

Только путем постановки своего общего культурного наследия в центре своих отношений будет возможно удержать центр Евразии от тяготения периферии, ведущего, пока, к разрыву и всеобщему обеднению.

ВОПРОСЫ

Беленда Сергей, кафедра международной экономики Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Н.Н. вы в своем докладе сказали, что существуют страны европейской периферии, назвали Россию и в том числе, и я так понимаю и Украину в том числе. По вашему мнению Украина и Россия это периферия или полу-периферия? Вопрос важен с точки зрения: «Кто, где находится?»

Н.Н. Петро:

Видите ли, я рассматриваю эти вопросы в культурном ключе, и культурные границы гораздо менее видны чем географическо-политические. Поэтому вопрос периферия или центр – это условно. Есть, на мой взгляд, общности, общие ценности к которым важно стремиться, даже между такими столь отдаленными цивилизациями как Китай, Индия, Евросоюз, но между ними можно найти пункты общности и соприкосновения. Но это соприкосновение произойдет именно на территории стран лежащих между ними, и поэтому очень важно, чтобы эти страны включаю Украину Россию и все страны которые находятся в этой полосе, на мой взгляд, желательно чтобы этот центр был **привлекательным мостом, связующим мостом этих ценностей**, а не преградой когда мы отделяемся друг от друга, когда возникают массы непониманий и трений. Может быть они начинаются с очень мелких вопросов, но быстро перерастают в очень крупные недопонимания и уже, так сказать, указ на то что эта нация, группа людей – нам с нами не по пути, даже не обсудив что конкретно, о чем идет речь, что мы часто и видим в отношении бывшего Союза с Западом. В преодолении таких проблем желательно находить общий язык, но это не значит утраты собственной идентичности. Просто, на мой взгляд, разные прослойки совмещаются в человеке, обществе так, что можно найти при желании подходящий ключ к диалогу. Может быть, это звучит очень расплывчато, но это такой разговор, культурный разговор, который ведется именно в

таком ключе. Мои критики такого подхода очень часто говорят, что это туманно,- «а что конкретно надо делать?», а надо сидеть и по душам говорить с другим человеком. А вот фокусировать внимание на договорах, протоколах... это тоже надо делать но это второстепенно, это следующий этап после того как мы нашли как разговаривать друг с другом и как доверять друг другу, тогда уже имеет смысл вести переговоры, подписывать бумаги и т.п., а до тех пор нет смысла что либо подписывать потому что договор без доверия не стоит той бумаги на которой подписывается. Надо иметь ввиду цель, ради чего мы действуем, иначе это политика будет с маленькой буквы.

Геннадий В. Макаров, политолог, журналист:

Н.Н. вот вы говорите нужно доверять, но мы знаем по последним событиям, что представителям американской администрации доверять нельзя, потому что они навязывают свою волю, и их цель захватить ресурсы Евразии. Архетип моря, или другими словами пиратство выродился в архетип расточительства и финансового мошенничества, путем которого, захватываются и высасываются ресурсы национальных государств. Путем этих технологий раскалываются большие государства, большие пространства на которых человек мог свободно строить и планировать свою жизнь. И вот этот архетип ведет к потребительской психологии которая в свою очередь, таким образом преломляет производство, что планета становится на грань выживания. Каким же образом тогда ставить цель? Если цель захватить ресурсы Евразии, то тогда цель с нулевой суммой – человечество перестает существовать. Если же побеждает архетип континентальный – суши, континента, производительных технологий с учетом культурных ограничений потребительства, то тогда человечество получает надежду на выживание. Поэтому архетипы континента являются более основательными. Вопрос – как вы считаете, стоит ли доверять Евроатлантической цивилизации, ведущей такую экспансию на Евразийский континент, или лучше стоит в интересах человечества отбить такую экспансию?

Н.Н. Петро:

Ну, с такой критикой американской, имперской политики сейчас выступают многие американские политологи и дипломатические историки. Может быть, к ним не прислушиваются, но к их голос замечают и есть люди, с которыми можно договариваться. Я вообще предлагаю не сотрудничество ради пустого слова, а сотрудничество ради целей.

И поэтому я считаю *сильным ходом для стран находящихся в центре Евразии, является концептуальное их объединение, объединение их к общему пониманию международных проблем с которыми они все сталкиваются*, может в первую очередь Россия с ними будет сталкиваться из-за обширности территории, но я уверен, что со временем эти же вопросы будут возникать и у других стран потому, что у них общий культурный подход и к ним будут относиться более-менее как к одному целому. И поэтому, **если будет сближение и нахождение общего подхода – у них будет больше веса на международной арене.** Это будут уже не отдельные страны, а страны с общим голосом, и этот вес уже будет более значимым. Так что тут вопрос не чистого доброжелательства, а политического веса. У России уже есть определенный вес, но совместно с другими странами, там, где возможно действовать обобщенно, веса будет больше. В частности поэтому, мы видим, что Россия очень часто на международной арене выступает с другими странами под названием «БРИК» – это Бразилия, Индия, Китай. Их многое разделяет, но все-таки у них достаточно общего и они как бы помогают друг другу и это дает им гораздо больше веса, чем каждой стране по отдельности. В этой политике это не просто вопрос противопоставить себя какому-то одному государству, но гораздо положительнее была бы цель **создание альтернативного виденья мира**, о том, **как надо устроить мир** – как альтернатива.

Профессор Матвей Николаевич Ким, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина:

Н.Н. у меня вот какой вопрос. Безусловно, существуют военно-политические, экономические проблемы в мире между различными группами и центрами в мире. И ни один подход, я с вами согласен, к решению безопасности на Евразийском континенте не подходит.

По той простой причине, что каждый из этих подходов отражает интересы той или иной державы, или в данном случае и Европейского союза и т. д. И конечно необходимо их движение к выработке такого общего оптимального подхода. Но в основе этих различных подходов, лежит различие цивилизаций. Очевидно, правоверного мусульманина не переделаешь в верного католика как поляк либо же православного, точно так же как истинного китайца не переделаешь на европейский лад. Поэтому, нужно сближение различных цивилизаций и здесь конечно нужны общие точки соприкосновения, общие интересы, в частности развитие скажем экономической области, хотя тут у разных народов разные подходы. Ну, в качестве примера можно было бы выбрать общую сферу интересов, на пример экологию. Окружающая среда, ухудшение которой является действительно глобальной проблемой, для решения которой необходимо вовлечение сотрудничества, всех стран. Но подход здесь несколько отличается. Если для Западных развитых стран эта проблема может быть решена путем снижения, ограничения роста производства, снижения темпов экономического развития, но для Азиатских стран, для других стран третьего мира для них более насущными проблемами является борьба с голодом, нищетой и экология так сказать уже на втором плане. Вопрос в том, что я согласен с вами по поводу дипломатии, как средства решения консенсуса между различными подходами с разными государствами. А вот в области сближения народов разных цивилизаций, то какими образом это можно было бы осуществить, какими путями?

Н.Н. Петро:

Конечно речь не идет о том чтобы переделать мусульманина в католика, а наоборот нужно признать что между ними есть приходящие ценности которые объединяют мусульманина и католика, общечеловеческие ценности. К счастью есть проект, речь идет о проекте ООН «Диалог цивилизаций». Под этой вывеской ведутся, на мой взгляд, очень интересные дискуссии, переговоры, общение, публикации. Но это только верхушка айсберга как говорить. Я немного слежу за этим, о том, как это может проявиться, и обратил внимание на те выступления, которые иногда себе позволяют церемониальные руководители стран западной Европы, президент Германии или Италии, бывший президент Роман Герцог, который тоже очень интересовался сферой диалога цивилизаций и нахождения общего для диалога языка, и он всяческим способом поощрял этот диалог. Я не знаю к какому выводу мы придем через такой диалог, но я уверен что возможности нахождения общего языка не исчерпаны, мы только в начале пути к этому. Как правильно отметил профессор Ким, речь идет о сотрудничестве в конкретных сферах, нахождения неких образующих принципов мировой политики, сохранение энергоресурсов, сохранение природы. Как вы правильно отметили мы стоим на разных фазах использования этих ресурсов. Но только недалёковидный человек может утверждать, что тот, кто сегодня больше беспокоится о наращивании коммерческого потенциала через 50 лет будет стоять на том же пороге что и развитые страны, которые потребляют сегодня больше, они будут стоять перед той же проблемой. Так, что у всех нас есть общие проблемы: «Почему мы потребляем так, а не иначе. Почему используем углеводородные ресурсы, а не альтернативные ресурсы, и как переходить к ним?» Эти вопросы возникнут у всех, может быть он стоит на первом плане у ведущих государств, для которых это очень дорого, но это предвидится и для Китая, Индонезии, и других стран. Это предвидится, и я не могу поверить что этого не произойдет. Ведь это 100% произойдет в недалеком будущем и тогда будет о чем поговорить.

Профессор С.В. Тютюнникова, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина:

Назовите механизмы диалога и разрешения противоречий в сфере экономики, помимо тех которые были названы? Как вы оцениваете вклад американских ученых, которые получили недавно нобелевские премии?

Н.Н.Петро: Я не экономист, но могу сказать, что в США преимущественный подход среди политологов это через экономику, т.е. экономический рационализм лежит в основе поведенческого подхода, который применяется большинством американских политологов.

Именно поэтому наши факультеты называются, факультетами политической науки, а не факультетами политической философии. Но при этом, большинство моих коллег подходят с точки зрения поведенческой политики, я от них отличаюсь потому, что считаю этот поход менее интересным. Они приходят к очень интересным выводам, касающимся политики теперешнего дня – анализ следующего этапа. Но что касается более долгого срока рассмотрения политических действий, я думаю, что без учета глубоких культурных факторов (традиций, религий) которые тяжело подчиняются экономическому подходу – без этого мы далеко не сможем продвигаться.

Что касается нобелевских премий. Это речь о том кто выиграл в экономике. Их работы очень подчинены политической конъюнктуре. Например, Пол Кругмэн, является с одной стороны известным экономистом, но он уже несколько лет пишет колонку для New York Times и он влияет на экономику не как экономист, а как журналист, как журналист с научным званием, который, тем самым, комментирует и дает советы сообществу воспринимает. New York Times – это наша общепризнанная, общенациональная газета. Джозеф Стиглиц был интересным человеком, он работал главным советником в мировом банке по вопросам восточной Европы. Будучи очень лояльным традиционным экономистом он тогда поддержал идею шоковой терапии. Но впоследствии он вдруг решил, что это ерунда. Раскритиковал эту идею и где-то в этом процессе он развернул свою идею на 180% и за это получил нобелевскую премию.

Студентка Украинской государственной академии железнодорожного транспорта:

В своем докладе вы упомянули о культурной безопасности Европы. Как вы можете охарактеризовать ее сегодняшнее состояние и назвать глобальные проблемы, которые существуют сегодня в ее состоянии и основной путь решения этих проблем?

Н.Н. Петро:

Есть дебаты на эти темы, и я считаю, что интеграционный процесс Евросоюза идет нормальным чередом. Т.е. за последние 50 лет были моменты, где он сильно набирал силу, потом временно отступал. Это дает возможность всем членам, которые приняли предыдущий прорыв к объединению, дает им возможность усвоить то, что было договорено, внедрить эти принципы в собственной правовой культуре и политике. Этот процесс может длиться 10, 20, 30 лет потом это находит определенный уровень и опять выступает потребность дальнейшего углубления. Поэтому, я считаю нормальным, что мы находимся после Лиссабонского договора, после всех дискуссий европейской конституции, мы находимся на такой более подходящей фазе не к наступлению к дальнейшему развитию сотрудничества, а в фазе, где отдельные государства должны это переваривать в себе. Но я уверен, что это не отступление от их интеграции, это лишь их переоформление и, в какой-то степени, переосмысление до следующего этапа. Так что я полагаю, что будущее для Европы лежит в продолжении и углублении процессов европейской интеграции. Они (цели и задачи интеграции – *прим. редактора*), по-моему, очень четко сформулированы в разных хартиях, в них можно прочесть куда Европа движется. Там в каждой стране есть люди, которых это волнует, которые видят в этом посягательство на их традиции и вольности, но большинство видят, что это на благо их личного и общественного процветания. Одно из преимуществ европейской модели, я вижу, в так называемом принципе субсидиарности, где существуют три уровня на которых идут процессы интеграции – региональной, национальной, и потом общеевропейский. По словам бывшего министра внешних дел Германии, Ганса Дитриха Геншера, процесс европеизации сводится к тому, что *роль национального государства уменьшается за счет региональной идентичности*. И для Европы это очень подходит как образ. Потому что во многих странах, сама концепция итальянской, испанской национальности, она была надумана, она была создана за последние 50-100 лет. Под ними существуют гораздо более древние понятия. На пример идентичность «бритонца». Или в Италии, человека из [...] области, это значимая идентичность, но она не имела возможности выразить себя в пределах лишь одного государства, потому, что это было посягательство на суверенитет одного государства, а в европейской структуре, субсидиарной, она может

получить выражение потому, что она действует, перескакивает через национальные интересы. И это как раз база прочности для расширения европейской системы демократии. Многим европейцам нравится, что в вот такой подход, где они не обязаны... Например, каталонец не обязан себя признать лишь испанцем, но он и не каталонец, что для отдельного человека важнее даже чем принадлежность к гражданству Испании. Я думаю, что мы увидим более широкое применение этой региональной идентичности потому, что она очень легко вписывается в эту общеевропейскую программу subsidiarity.

Беленда С., кафедра международной экономики, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина:

Как вы думаете, Украина, находясь рядом с этой идентичностью в лице Евросоюза, сталкивается со стеклянным потолком? Мы видим, что там происходит, а попасть туда не можем. И кажется ли вам именно практический аспект этой идентичности через дипломатию должны решаться путем следующего... Вот вы приехали в Украину Вы визу оформляли? Нет. А вот мне чтоб даже в Польшу выехать надо оформить визу, и это большая проблема. На самом деле, казалось бы, можно оформить, но это проблема, это вот этот огромный стеклянный потолок. Как вы считаете вот этот практический вопрос, как выходы, перспективы...?

Н.Н. Петро:

Если бы я был королем всей Земли, я бы отменил все визы. На мой взгляд, это лучший способ приобщения людей, культур и понимания друг-друга. Ну конечно понятно почему возникают такие препятствия. Существует разрыв между странами. Этот вопрос для более богатой страны может оказаться обузой, но постепенно, споров нет, что этот вопрос все больше и больше отпадает. Более того, мы можем создать условия для людей с определенными средствами, чтоб хотя бы для них возможности общения были без таких преград, что порой не делается – это глупость политическая. Это бюрократия, и политика Европы. Это то, как подается этот вопрос странам не европейского содружества, политическими партиями которые вступают в бой за политические голоса в полит конкуренции. Это действительно если неправильно преподнести может стать политическим футболом, где из прибывающих в страну делают каких-то страшных злодеев: «вот они придут отнимут у нас наши рабочие места». Но нужно доказать, что речь идет не об этом, что здесь гораздо больше положительных сторон, нежели таких экономических трудностей – они временного характера. *Нужно создать условия терпимости и взаимопонимания на нашем общем Евразийском пространстве.*

Шпотя Денис:

Н.Н. Вы назвали пути, по которым страны, находящиеся между Европой и Азией могут выступить в роле мостов, но какие условия должны быть достигнуты в этих странах, чтоб они смогли вступать на эти пути?

Н.Н. Петро:

Да. Это интересный вопрос. Многое зависит от политической обстановке в той или иной стране, но я считаю, в общих чертах, *было бы целесообразно объединение стран у которых есть общие историческо-культурные корни*, общие виденья проблем мироустройства. Их не политическое объединение, но достижение гораздо более тесного сотрудничества между ними. Вот, например, сразу видна разница между Европейским союзом и отдельно взятой азиатской страной. Когда выступает Евросоюз сразу виден их вес, политический вес. В том, что они согласовывают свое видение в экономическом устройстве, международной, военной политике. Но по мере того как они смогут эти разногласия урегулировать между собой, они могут принять в жизнь важные решения потому, что за ними определенный политический, экономический вес. Там где такого сотрудничества нет – действует принцип «разделяй и властвуй». Вот я знаю есть попытки разного рода сотрудничества среди стран бывшего СССР–СНГ. И если эти попытки будут совершенствоваться, и если будет создано что-то наподобие Европейскому союзу на востоке, я считаю, что договорится между двумя с этими союзами можно будет договориться и

объединиться гораздо проще и быстрее чем с отдельно взятой страной. Просто даже технические вопросы их будет легче урегулировать. Вот один участник, а не десять разных. Поэтому, я считаю им будет интереснее делать, будет вес, экономический вес, более тяжелый вес международной политики объединяющий эти страны.

Александр, студент Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Скажите, Вы говорили, что для решения безопасности на Евразийской континенте нужно сформировать какую-то оптимальную стратегию, что под собой подразумевает поиск точек соприкосновений в подходах всех вот ведущих стран? Вы вот упомянули о Китайской, Европейской, Российской... Вопрос в следующем, как вы считаете, стоит ли учитывать при поиске этих точек соприкосновения подходы для стран которые не являются представителями евразийского континента? Так как их интересы будут направлены в совсем другое русло вот как уже говорили про Америку...

И сразу второй вопрос, касается проблем Ближнего Востока. На мой взгляд это одна из самых важных проблем, когда говорят о безопасности на Евразийском континенте и какая роль по вашему отводится проблеме Ближнего Востока в разряде современных тенденций и какие пути решения?

Н.Н. Петро:

Наверно мое видение исходит из понимания американской политики 90х годов, когда вдруг и в неожиданной мере для себя Америка оказалась единственной сверхдержавой мира, или как французы ее окрестили «Гипердержавой». В связи с этим у определенной группы интеллектуалов возникло такое искушение: «А давайте сделаем всему миру благо. Потому, что у нас есть шанс это сделать. Мы как бы являемся новой римской империей и будем распространять на благо всему человечеству наши принципы, наши идеи и никто нам не в силае противостоять». Я считаю, что вот этот процесс оказался ... ну последствия были печальные, и мы эти последствия на своем горьком опыте будем испытывать еще много лет. Но я понимаю, что любая страна, оказавшись в такой ситуации, подверглась бы такому искушению. И поэтому очень важно в противовес, чтобы не соблазняться, важно чтобы были действительно элементы мультиполярного баланса в мире. Так, чтоб ни одному из игроков не было повадно действовать самому по себе. И поэтому, **я считаю очень важным, чтобы объединились те страны, которые могли бы противостоять ведущей сейчас державе США**, и так же можно утверждать, что Америка идет на спад и это, наверное, в какой-то мере верно, но все же у нее уникальные ресурсы. Но, миру не будет лучше, если на смену Америки придет такая-же сверхдержава Китай с такими возможностями. Мы должны учитывать опыт предыдущих лет с тем, чтобы создать настоящий баланс в мире, где ни одна страна, даже наша страна, какой бы она не была благородной не могла стать во главе всего мира.

А что касается Ближнего Востока... Да, я думаю также, что если бы в мире были бы созданы действующие центры, которые бы стали притягивать к себе как оазисы стабильности, тогда, я думаю, это могло бы действовать положительным образом и на Ближнем Востоке. Если по сути понимать цель американской политики в Ираке, почему Америка вторглась в Ирак? Не как тогда сказали «для нахождения средств массового уничтожения», а для того чтобы можно было создать в Ираке стабильную базу секуляризированной арабской страны. Страна более-менее подходящая для арабского мира под видом демократической страны, именно из-за того, что по культуре они были более секуляризированы по сравнению со своими соседями. Но цель их была в том, чтобы имея этот рычаг можно было бы действовать благотворно на развитие всего этого региона и противопоставлять себя на такой образ положительной арабской демократии, которую хотелось создавать там, в противовес экстремистам. Они бы видели к чему может привести демократия и сами бы стремились к этому. Но конечно вышло совсем не то и поэтому надо быть очень осторожным с такими попытками. Но, если сами по себе, по собственным причинам, страны славянской культуры объединились бы и действовали сообща и потом к

ним бы примкнули по важным политическим, экономическим параметрам страны БРИК (Индия, Бразилия, Китай) этот общий подход имел бы уже большой вес в определении (мирового развития – *прим. редактора*) и как вектор, по которому можно было бы идти им и другим странам. Я бы сказал, это было бы положительным влиянием на страны Ближнего Востока. Хотя, там свои проблемы...

Вопрос:

Рейтинг президента Б.Обамы приблизился к рейтингу предыдущего президента Джоржа Буша младшего, как вы думаете, будет ли Обама опять баллотироваться снова, не будет ли он опять развязывать какую-то молниеносную войну, и как он попытается свой рейтинг поднять?

Н.Н.Петро:

Ну насчет развязывания короткой победоносной войны... маловероятно. Я просто не вижу подходящих кандидатов. Иран – это не краткосрочная война, это долгосрочная война. Иначе бы она набрала большой популярности. Несомненно, он пойдет на второй срок, но это несомненно входит у нас в систему то как человека преподают на этом посту президентском. Был несомненно редчайший случай когда президент не собирался на второй срок, и его рейтинги падали, но на данном этапе они находятся не ниже рейтингов президента Буша или Рейгана. Тут конечно нет ничего неожиданного, у него конечно есть большие экономические проблемы страны, но, что будет через два года с этими проблемами, лучше или хуже, я думаю невозможно предсказать. Администрация считает, что если мы продолжим этот курс, что политика правительства разумна и результат будет эффективным. Если да, его без проблем переизберут, если нет то есть шансы у его противника. Но многое будет зависеть от того кто этот противник. Если он, противник, «противный», то самого обаяния Обамы будет достаточно для победы. Но это вопрос также как с вопросом о переизбрании следующего президента России и Украины, это все преждевременно. Все будет зависеть от конъюнктуры, которая будет за 6 месяцев до выборов, не больше. А до тех пор это все болтовня.

Г.В. Макаров, политолог, журналист: Вот вы сказали, что война в Ираке была связана с отработкой концепции навязывания демократического устройства. А другие говорят, что это была только завеса, под этой завесой планировалось за бесценок получать нефть, ресурсы, продавать наркотики, тем самым уничтожая человеческий потенциал соперников, а с другой стороны получать бешенные финансы.

Н.Н. Петро: В любой администрации на этом уровне, любой страны, люди не мыслят одними категориями. Можно и из-за нефти напасть, можно и за демократию, если мы получим и демократию и нефть тоже хорошо☺. Все дело в том, как это преподнесли президенту. Президенту, конечно, сказали про нефть в первую очередь, будет выгода уже так сказать не за горизонтом, а сейчас – это оказалось фальшивкой. Но, что касается демократии, это уже звучит более благородно и с этим можно «выйти на публику», и выйти на сцену убедить союзников, чтобы они поддержали это. Удастся это уже или нет, это вопрос для историков. Но я уверен, что были самые разные «положительные аспекты» вот этой политики, которая предлагалась президенту и каждый раз когда преподносилась положительная сторона во все более выгодном свете. Все дело в том, как это преподнесли, потому, что это дело советников, преподнести так, чтобы политика «шла».

Г.В. Макаров, политолог, журналист: Так получается обманули?

Н.Н.Петро: Обман это такое «некрасивое слово». Для политиков. Обман сегодня может оказаться завтрашной правдой.

Профессор М.Н. Ким: Политика без обмана не бывает.

Н.Н. Петро: Да, да. Это как Бисмарк говорил: «Не надо обращать внимание людей на то как делают законы и как делают сосиски».